

К.В. Чугунов

**ЛУК И ГОРИТ У РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В КУЛЬТУРЕ ПЛЕМЕН КАВКАЗА И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ)**

Основное вооружение кочевников евразийских степей в скифское время – лук – до сих пор является чрезвычайно редкой находкой в археологических памятниках. Это обусловило то, что анализ так называемых луков скифского типа, проводившийся в обширной литературе, посвященной оружию ранних кочевников, учитывает лишь единичные случаи обнаружения фрагментов реальных предметов и основывается в основном на изобразительном материале. Считается, что на вооружении у кочевников был сложный лук сигмовидной формы, имеющий сходную конструкцию во всем ареале степных культур Евразии, и такая форма оружия из-за очевидной его эффективности была заимствована оседлыми народами.

Находка парадного горита и лука в основном погребении Аржана-2 позволяет еще раз обратиться к рассмотрению некоторых вопросов, связанных с их конструкцией. Это тем более актуально, так как при публикации материалов памятника в специальной статье о луках были допущены досадные неточности, приведшие авторов к выводу о нефункциональности изделия из Аржана-2 (Godehardt, Schellenberg, 2010. S. 218). Это явилось следствием того, что авторы не ознакомились с полевой документацией и воспользовались предоставленной им ошибочной реконструкцией лука, выполненной без учета декора верхнего плеча. Как один из соавторов монографии, я не снимаю с себя ответственности за эти промахи, и данная работа призвана в том числе исправить ошибки, допущенные в статье немецких коллег не по их вине.

Рассмотрим ситуацию, прослеженную при обнаружении лука и горита в основном погребении Аржана-2. Вдоль северо-восточной стены погребальной камеры перед ске-

летом «царя» зафиксировано большое количество находок, относящихся к парадному снаряжению мужчины-воина. Поверх прочих предметов лежал богато украшенный горит, включающий колчан со стрелами и лук. Колчан имел деревянное ребро жесткости вдоль нижней части, обложенное золотым листом, и донную часть каплевидной формы. Дно прорезано с узкой стороны для крепления к острому выступу на обкладке. Обе золотые пластины декорированы крупным чешуйчатым узором, тисненым по деревянной основе. Обкладка дна колчана на момент расчистки отвалилась и лежала рядом с острым выступом на декоративной планке внутренней стороны вверх. Ее максимальные размеры 17,5х10,0 см. На внутреннем (по отношению к лицевой части колчана) скругленном углу изделия под валиком, обрамляющим орнамент, сформована петля с отверстием, параллельным краю золотого листа, к которой могла привешиваться декоративная кисть. На присутствие этого элемента косвенно указывает найденная рядом гладкая золотая ворворка. Надетая у основания кисти, она могла оттягивать ее вниз. Кожаная основа горита не сохранилась, но его конструкция, состоящая из двух час-

тей – колчана и налучья, может быть реконструирована благодаря золотым бляшкам, украшавших поверхность с разных сторон. Они выполнены в виде литых профильных фигурок кабанов. Бляшки двух вариантов: 244 экземпляров, изображают зверя головой вправо; 68 более мелких экземпляров, в виде зверя головой влево. Ими было декорировано устье колчана, однако как именно фигурки были ориентированы относительно края изделия сказать трудно из-за смещения значительного числа бляшек в процессе разложения кожаной основы. Местоположение бляшек в виде кабанов, направленных вправо, более определено, хотя на лицевой поверхности колчана они также сильно сместились и завалились между древками стрел. Фиксация их в процессе разборки содержимого колчана и, особенно, после удаления стрел, позволяет сделать выводы по поводу их расположения. Они были закреплены двумя параллельными рядами вдоль декоративной пластины и один ряд бляшек шел по центральной оси лицевой части колчана. Под бляшками, лежащими параллельно пластине, зафиксирован еще один двойной ряд, залегающий петлями вверх, что позволяет утверждать размещение его на внутренней поверхности колчана. Несколько таких же, слившихся в одну пачку, рядов бляшек зафиксировано вдоль противоположного края колчана. Они почти все залежали в перевернутом виде, что говорит о том, что бляшки были закреплены на верхней, повторяющей очертания дна, округло-уплощенной поверхности колчана и сползли вниз при разложении кожи. Однако под перечисленными выше слоями зафиксированы бляшки в виде кабанов, лежащие непосредственно на полу сруба лицевой стороной вверх. Под скоплением перевернутых экземпляров в верхней части колчана таких не много и их расположение можно посчитать случайным перевертыванием при распаде кожи. Но под рядами, параллельными декоративной обкладке планки-основы, выявлен ровный ряд из 20 бляшек, которые могли быть закреплены только на поверхности налучья, лежащего под колчаном. Если фигурки кабанов декорировали футляр для лука в нижней части, которая, судя по их расположению, была прямая, то верхняя сторона налучья повторяла форму лука и была украшена рядом из 17 бляшек в виде профильной фигуры кошачьего хищника, аналогичных изделиям, зафиксированным на костюме «царя». Здесь использованы 15 бляшек в виде фигур, повернутых влево и две, самые нижние в ряду, в виде фигур, смотрящих вправо.

Лук сохранился достаточно хорошо, хотя и не равномерно по всей длине. В верхней части, видимой из налучья, древесина рассохлась и распалась на отдельные фрагменты. Нижнее плечо лука и его середина были придавлены остатками колчана и, хотя на момент расчистки были деформированы и расплющены, но сохранились *in situ*. Учитывая особенности сохранности и фиксацию деталей этой находки при зачистке, можно пред-

ШЕСТАЯ КУБАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С. 439

ложить суммарное описание конструкции лука.

Кибить, сделанная из тщательно состыкованных оструганных палочек жимолости с насечками для более прочного склеивания, была обернута полосой тонкой коры (по-видимому, березовой). Необходимо отметить, что кора не была обернута спиралью, а приклеивалась вдоль дерева полосами. Между деревянной частью и внешней оболочкой из коры прослеживался слой волокнистой органики. Эта органика, вероятно, является остатками сухожилий, использование которых в изготовлении луков известно по этнографическим материалам (Даржа, 2009. С. 29–31). Несмотря на деформацию верхнего плеча можно утверждать, что оно несколько длиннее нижнего, то есть лук имел асимметрично-сигмовидную форму. Расстояние между концами плеч составляет около 1 м. Окончание нижнего плеча собрано из трех палочек и не имеет выраженного загиба. На конце, срезанном под углом, четко видны выемки с внешней и внутренней стороны для привязывания тетивы. Внешняя палочка доходит до рукояти лука, остальные две на том

же участке плеча составлены из трех состыкованных частей. Учитывая деформацию древесины, все же необходимо отметить, что внешняя и внутренняя составляющие имеют сегментовидное сечение, внутренняя – прямоугольное. Рукоять лука усилена двумя дополнительными планками, то есть в этой части лук имеет пять слоев древесины. Стыковка палочек, составляющих плечо, с набором планок рукояти осталась не ясной, так как именно в этом месте на лук лег боек сильно окислившегося железного чекана. Верхнее плечо сохранилось хуже, однако здесь кибить была декорирована листовым золотом, вырезанным в виде пламевидных узоров и прямоугольных пластин, свернутых кольцом. Поскольку металл не деформирован, то по диаметру обкладок можно установить размеры сечения плеча в месте их закрепления. Декор верхнего, видимого из налучья, плеча лука, скорее всего, был произведен специально для погребения, так как золотые пластины неизбежно отвалились бы при натягивании тетивы. Зафиксированы накладки разных форм, которые, вероятно, приклеивались на слой коры, обтягивающий лук. Последняя двучастная обкладка дает представление о форме и размерах верхнего окончания, моделированного в виде острого загнутого рога. Исходя из замеров этих обкладок, ближе к рукояти лука плечо имело диаметр 2,5 см, постепенно сужаясь к окончанию, где последняя обкладка в виде свернутой в трубку пластины имеет диаметр 1,7 см. Такой же размер и у основания концевой двучастной обкладки. Расстояние между концами плеч лука на момент расчистки и фиксации составляло 1 м, однако не исключено, что с натянутой тетивой в боевом положении оно было несколько меньше.

Поскольку в Аржане-2 найден пока единственный на азиатской территории парадный горит, то позволю себе обратиться к собственно скифским памятникам и сделать несколько замечаний. Классические парадные гориты скифов на первый взгляд имеют совсем другую конструкцию. Они реконструируются как единый футляр, разделенный на две части – отсек для лука и карман для стрел (Мозолевский, Полин, 2005, С. 349). У отделения для стрел всегда есть прямоугольный вырез, который у изделий без золотых накладок закрывался клапаном, застегивающимся специальной застежкой (Черненко, 1981. С. 31–42). Колчан из Аржана-2, возможно, имел небольшой вырез, так как нижний ряд бляшек, обрамляющий его устье, лежал несколько выше верхнего ряда. Какой-то специальной застежки клапана здесь не найдено. Однако заметим, что каплевидное дно парадных скифских горитов имеет продольную выпуклую нервюру (Черненко, 1981. Рис. 55–58), которая не выполняет никакой конструктивной задачи. Не является ли такая особенность у изделий V–IV вв. до н. э. наследием далеких азиатских прототипов, когда, как в Аржане-2, дно парадного горита поддерживалось специальным выступом у планки-основы или ее обкладки? Кроме того, позволю себе усомниться в неразъемности скифского горита. На мой взгляд, убедительных доказательств этого нет, но есть случаи,

ШЕСТАЯ КУБАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С. 440

когда в горите не изображался лук, и наоборот, когда лук в налучье закрыт колпаком и наличие кармана для стрел не очевидно. Например, такие предметы изображены у двух персонажей на Чертомлыкской амфоре (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 180. Деталь 5. С. 184. Деталь 12). Кроме того, находка парадной обкладки горита в Мелитопольском кургане в небольшой по размеру ямке тайника не позволяет предполагать присутствие здесь лука (Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 46–49. Рис. 45). Наличие же традиции двух отдельных футляров, соединенных вместе, безусловно, демонстрируют изображения на поясах из Тлийского могильника (Техов, 1977. Рис. 99, 100). Двучастность горита могла быть обусловлена удобством использования оружия в бою, так как колчан предусматривал боевое положение устьем вперед. Такое его положение неоднократно фиксируется в торевтике и греческой вазописи (Черненко, 1981. Рис. 93, 94). Аржанский колчан, украшенный с обеих сторон, вполне мог так использоваться. Он дол-

жен был достаточно легко переворачиваться на пряжке для удобства извлечения стрел в бою. Походное положение предусматривало соединение колчана и лука в налучье. Фрагменты еще одного двучастного горита в комплекте с великолепно сохранившимся поясом недавно обнаружены в боковой сопроводительной могиле еще одного «царского» кургана в Туве (Чинге-Тэй I, могила 5 – раскопки автора 2012 г.). Здесь, благодаря сохранившимся ремням, прослежен способ пристегивания колчана к налучью из толстой многослойной кожи.

Важной особенностью лука из Аржана-2, возможно, указывающей на его происхождение, является различное устройство его окончаний. Находки подлинных изделий такого типа неизвестны, но в иньских гадательных надписях луки изображались именно так – с сильно загнутым верхним окончанием (Горелик, 2003. С. 59. Табл. XLII, 1–9). Вероятно, нижнее окончание лука без выраженного изгиба с косо срезанным краем позволяло при натяжении тетивы сгибать лук, упирая его нижним концом в землю, без опаски сломать. У скифов, согласно известным изображениям, была другая традиция этой процедуры, обусловленная иной конструкцией луков, имеющих оба окончания в виде круто загнутых рогов. Такие луки сейчас известны в могильниках Янхай 1–3 в Синцзяне.

Внутренняя хронология этих памятников требует дальнейшей разработки, но два лука найдены в комплексе с уздой раннескифского времени (Шульга, 2010. С. 79. Рис. 42, 80). Конструкция этих великолепно сохранившихся экземпляров, помимо дерева и сухожилий, включает пластины из коровьего рога и кости. Интересно, что кожаные футляры луков из Янхая, судя по их изображениям, не имеют выраженных карманов на лицевой части, но в их описании упомянуты «мешочки для стрел» (Там же. С. 80). Не исключено, что здесь мы имеем дело с единым горитом, разделенным на отсеки.

В связи с находками в Синцзяне необходимо обратить внимание, что в этом регионе известны наиболее ранние в Евразии изображения сигмовидных луков на изваяниях чемурчекской культуры второй половины 3 – начала 2 тыс. до н. э. (Ковалев, 2012. С. 28, 32, 117, 124). По ряду признаков чемурчекские статуи, по мнению А.А. Ковалева, могут являться подосновой для формирования скифской статуарной традиции (Там же. С. 156). Хронология этой традиции в Синцзяне требует дополнительной проработки, так как она могла продолжить свое развитие уже вне рамок чемурчекской культуры. Если допустить ее существование еще в начале 1 тыс. до н.э., то такое предположение имеет право на существование. Показательно, что здесь это не единственный элемент, ассоциирующийся со скифской культурой, так как в памятниках культуры Чауху известны находки роговых псалиев с головой барана (Ковалев, 1996. С. 126). Вместе с тем заметим, что на чемурчекских изваяниях луки показаны без характерных изгибов на концах.

Не исключено, что рассмотренный лук из Аржана-2 демонстрирует раннюю конструкцию оружия, сформировавшегося в традициях, связанных с территорией древнего

ШЕСТАЯ КУБАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С. 441

Китая. Луки саглыно-пазырыкского времени, судя по изображению на балгазынском навершии, имели два загнутых рога на окончаниях (Грач, 1980. Рис. 117), что может указывать на возобладание в этот период «скифской» традиции. Однако это замечание остается лишь предположением до появления новых находок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский «царский» курган IV в. до н.э. Киев, 1991.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). 2 изд. доп. СПб., 2003.

Даржа В.К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1. Хозяйство, охота, рыбалка. Кызыл, 2009.

Ковалев А.А. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996. С. 121–127.

Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб., 2012.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул, 2010.

Godehardt E., Schellenberg H.M. Der Bogenfund aus Grab 5 und Überlegungen zu skythenzeitlichen Bogen // Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz, 2010. S. 216–231.

Рис. 1. Аржан-2, могила 5. Горит после удаления верхнего слоя бляшек и стрел

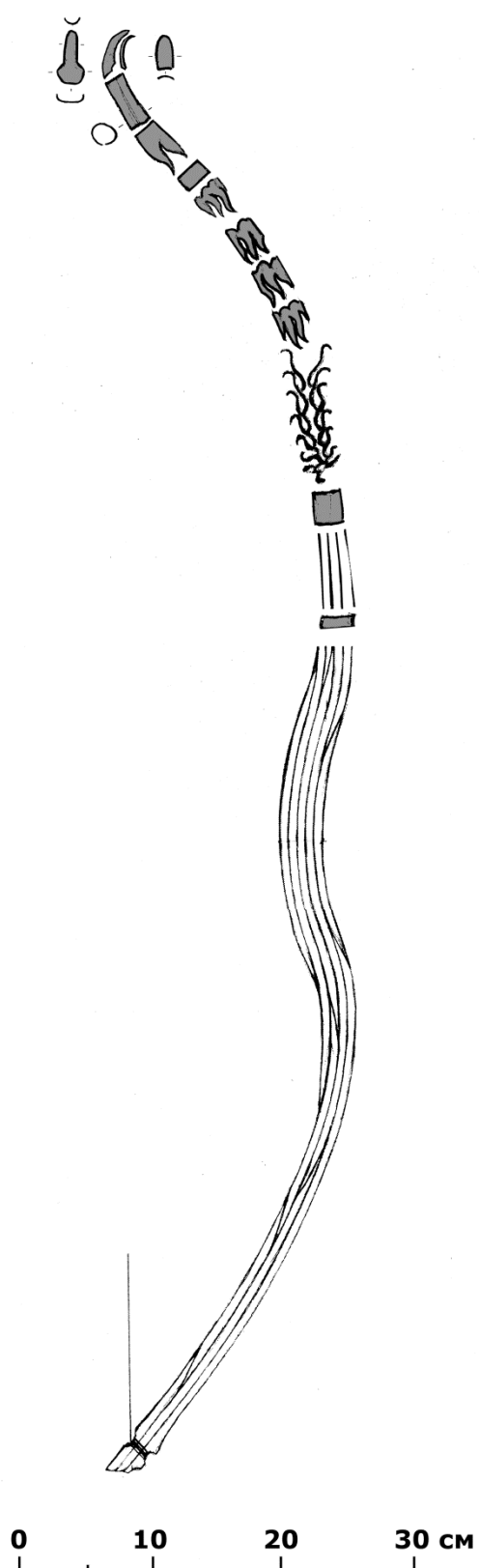

Рис. 2. Реконструкция лука из могилы 5 Аржана-2